

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки
на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсц. . . 4 р. —
Отдѣл. номера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсц. . . 6 р. —
на 6 мѣсц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею
на годъ . . . 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Спб. Поварской пер. д. 5, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Спб.,
Надеждинская, д. 19, кв. 32.,
а также въ книж. маг. Воль-
фа, Нев., Гостиной дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александра.

СОДЕРЖАНІЕ: Объявленіе о подпискѣ.—Недуги крестьянскаго самоуправленія въ Сибири.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Забайкалья, изъ Иркутска, изъ Бійскаго округа и изъ Ферганской области.—Переселенія въ Минусинскій округъ.—Ангарская греза (дорожный набросокъ) стихотвореніе *Омурскаго*.—Хроника жизни за недѣлю.—Библиографія: «М. Веригъ. Современная Японія». А. П.—Биржевыя извѣстія.—Объявленіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на газету

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1883 ГОДЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

Цѣна за годъ 8 рублей.

Для новыхъ подписчиковъ на 1883 г. остающіеся экземпляры
за 1882 г. уступаются за 4 рубля.

Адресъ Редакціи см. на 1-й страницѣ.

НЕДУГИ КРЕСТЬЯНСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ВЪ СИБИРИ.

Если безпорядки и неурюстройства крестьянскаго самоуправленія даютъ себя чувствовать въ губерніяхъ Европейской Россіи и изыскиваются средства для его улучшенія, то условія этого самоуправленія еще болѣе вызываютъ вниманіе въ дореформенной окраинѣ, Сибири. Правда, здѣсь примѣняется новый проектъ административнаго управленія государственныхъ крестьянъ, согласно началамъ 1861 года, но проектъ этотъ, имѣя свои хорошія послѣдствія въ общемъ складѣ жизни послѣ-реформенной Россіи, примѣняемый къ мѣстнымъ условіямъ Сибири долженъ былъ привести нѣсколько къ инымъ результатамъ.

Введеніе крестьянской реформы, на основаніи положенія 19 февраля 1861 г., въ обѣихъ половинахъ Сибири, какъ пишутъ, прошло незамѣтнымъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что вводимыя преобразованія не устраняли недостатковъ крестьянскаго управленія, не уничтожали опеки надъ сельскимъ населеніемъ со стороны полицейскихъ чиновниковъ и писарей, для произвола которыхъ оставался достаточный просторъ.

Сибирскія волости попрежнему остались въ рукахъ волостныхъ писарей, дѣйствительныхъ вершителей ихъ судебъ. Положеніе ихъ именно тѣмъ и печально, что они не имѣютъ никакой самостоятельности, никакихъ, въ сущности, правъ и компетенціи, и, составляя нестоимую оброчную статью писаря и земскихъ чиновниковъ, остаются во власти и распоряженіи послѣднихъ. Показавъ дѣйствительную роль писаря и его значеніе въ общественныхъ дѣлахъ, мы желаемъ поставить на видъ, что при существующихъ порядкахъ не только не можетъ быть мысли о развитіи общественнаго управленія, а напротивъ, нужно опасаться разложенія и упадка волости, гдѣ одерживаютъ верхъ личные интересы разныхъ кабатчиковъ, кулаковъ и міроѣдовъ, въ жертву которымъ всегда приносятся общественные интересы, съ соизволенія писаря. Сибирскій писарь, въ большинствѣ случаевъ—поселенецъ, прожженная личность, запятанный цѣлымъ рядомъ преступленій, за которыя онъ попалъ въ Сибирь и которыя продолжаетъ творить здѣсь. При помощи спаванія общественниковъ, торжественнаго обѣщанія кулакамъ поддерживать всегда ихъ интересы и такого же обѣщанія платить исправно контрибуцію исправнику и засѣдателю, онъ получаетъ общественный приговоръ и дѣлается писаремъ. Свои обѣщанія онъ держитъ крѣпко и никогда ихъ не нарушаетъ, въ такомъ случаѣ земская власть никогда не вмѣшивается въ дѣла его волости и предоставляетъ писарю извлекать свои доходы, какъ онъ хочетъ. И дѣйствительно, рѣдкій засѣдатель или исправникъ имѣетъ такіе громадныя доходы какъ писарь, выгода котораго заключается еще въ томъ, что онъ по десятку лѣтъ несмѣняемъ. Размѣръ писарской контрибуціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строго опредѣленъ, и не мѣняется съ переменой засѣдателя или исправника. Средняя цифра этой контрибуціи простирается въ годъ съ каждаго писаря исправнику въ 1,200 руб. и засѣдателю въ 600 руб., въ половину меньше*). Для исправника и засѣдателя это такой вѣрный доходъ, та-

*) Сибирскіе засѣдатели (становые) получаютъ 900 руб. жалованья, а возложена на нихъ такая масса обязанностей, что они должны содержать цѣлыя канцеляріи для переписки.

кой безопасный и недоступный обличенію, что они охотно предоставляют писарямъ хозяйничать въ волости, обѣщая прикрывать всѣ ихъ плутни. Теперь не мѣшаетъ объяснить, изъ какихъ источниковъ писарь покрываетъ эту ежегодную контрибуцію. Для этого есть источники постоянные и, такъ сказать, случайные, т.-е. для каждой волости неодинаковые. Изъ постоянныхъ источниковъ можно указать слѣдующіе: во-1-хъ, каждый годъ собирается, особенно съ богатыхъ крестьянъ, громадная сумма за освобожденіе отъ призыва ихъ дѣтей, подлежащихъ таковому по льготамъ; во-2-хъ, за избавленіе малолѣтковыхъ отъ работъ во время отбыванія дорожной повинности (берется копѣекъ по 60 съ души, примѣрно); въ-3-хъ, за паспорта и увольнительныя свидѣтельства; въ-4-хъ, за выдачу приговора на право открытія кабака и т. д., перечислить которые не такъ легко. За приговоръ на право открытія кабака въ одной волости Нижнеудинскаго округа писарь бралъ недавно по 25 р., а всѣхъ кабаковъ въ этой волости 100 штукъ, такъ что эта одна статья давала ему 2,500 р. ежегодной ренты. Случайныя оброчныя статьи писарей еще болѣе разнообразны и неисчислимы. Въ той же волости есть складъ вина, который платитъ писарю ежегодно 600 руб. и предоставляетъ сверхъ того неограниченное количество водки. Въ ряду случайныхъ доходовъ весьма важную роль играютъ различныя подряды при помощи подставныхъ лицъ. Такъ, на примѣръ, въ той же волости писарь строилъ зданіе по подряду за 6,000 руб., для чего онъ купилъ съ торговъ старый этапъ за 60 руб. и сдѣлалъ въ немъ кое-какія переделки; взялъ на себя этапную гоньбу при помощи подставнаго лица, за которымъ числится подрядъ и т. д. Ко всему этому нужно прибавить, что почти повсемѣстно существуетъ писарская натуральная повинность, заключающаяся въ томъ, что крестьяне косятъ писарю сѣно, пашутъ пашню, жнутъ хлѣбъ, устраиваютъ рыбалки и т. д., «помочами» или просто по наряду. Словомъ, безъ преувеличенія можно сказать, что волость для писаря есть оброчная статья, которою онъ распоряжается прямо по произволу и исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ; сходы и все крестьянское управленіе есть фикція, а волостные члены покорныя орудія, маріонетки въ рукахъ писаря, которыя ставятъ свои печати тамъ, гдѣ онъ укажетъ и прикажетъ. Не будетъ также преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что власть и значеніе писаря въ волости несравненно больше и шире, чѣмъ, на примѣръ, власть губернатора въ губерніи или исправника и засѣдателя въ ихъ районахъ. И такимъ образомъ, пока вершителями крестьянскихъ дѣлъ будутъ писаря и земскіе чиновники, до тѣхъ поръ никакая крестьянская реформа не принесетъ ожидаемой пользы населенію.

А что дѣлаютъ писаря и ихъ пріятель—волостные въ медвѣжьихъ углахъ, или въ средѣ безпомощнаго инородческаго населенія? Тамъ произволъ ихъ еще менѣе ограниченъ. Вотъ факты: Кызыласовъ, родоначальникъ степной думы соединенныхъ разнородныхъ племенъ Минусинскаго округа, въ маѣ сего года пустился въ поиски за золотомъ и бился въ тайгѣ по Кантегире мѣсяца два, потерявъ тамъ всѣ свои наслѣдственныя деньжонки. По думѣ, между тѣмъ, въ концѣ іюня состоялся сходъ родовыхъ старостъ, для выслушанія смѣтныхъ исчисленій и составленнаго приговора на открытіе кабака въ думѣ, для торговли писарю Мукосѣеву (конечно, въ приговорѣ этого не говорится), причемъ старосты признали нужнымъ

избрать новаго родоначальника, на мѣсто Кызыласова; но приговоръ этотъ остался у Мукосѣева, потому что если смѣнять Кызыласова, то и ему не служить. 10 іюля Кызыласовъ возвратился изъ тайги и началъ изыскивать средства, какъ-бы наверстать свои убытки. Съ этою цѣлью онъ вытребовалъ Белтирсаго старосту Карабилека и, когда тотъ на требованіе Кызыласова о деньгахъ, излишне собранныхъ съ инородцевъ, отозвался неимѣніемъ ихъ, то тутъ же, на мѣстѣ былъ избитъ. Затѣмъ, Кызыласовъ отправился въ Аскызъ усмирять непокорныхъ старостъ, пожелавшихъ избрать другого родоначальника. Тутъ онъ, подстрекаемый письмоводителемъ Мукосѣевымъ, зазвалъ въ квартиру свою Карабилека, и опять избилъ его до полусмерти. Послѣ нѣсколькихъ часовъ обморочнаго состоянія, Карабилекъ отдохнулъ отъ побоевъ, поднялся и сказалъ родоначальнику, что если не дадутъ ему инородцы его рода деньги для Мукосѣева и Кызыласова, то онъ отдастъ собственныя свои, и тотчасъ же отдалъ 104 руб. 52 коп. Въ этотъ же день Кызыласовъ избилъ жестоко Казановскаго старосту за то, что онъ осмѣлился избирать новаго родоначальника. Послѣ этой расправы Кызыласовъ и Мукосѣевъ созвали родовыхъ старостъ для отобранія отъ нихъ подписки, которою и обязали ихъ собрать осенью сего года, при сборѣ податей и повинностей, по 10 коп. съ каждой души инородцевъ, на расходы Мукосѣеву. Для совѣщанія по этому дѣлу, Кызыласовъ и Мукосѣевъ, съ 6-ю родовыми старостами (такъ какъ другіе 6 старостъ не пріѣхали), заключились въ комнатѣ Мукосѣева, выгнавъ предварительно оттуда родовичей, и тамъ совершили этотъ документъ. Остальныхъ старостъ Мукосѣевъ вызывалъ въ думу уже по одиночкѣ, для приложенія должностныхъ печатей къ этому документу.

Между другими источниками дохода Мукосѣева, можно указать на то, что онъ оставляетъ въ свою пользу 300 руб., отпускаемые изъ казначейства и положенныя по штату думы помощнику письмоводителя; помощника Мукосѣевъ не держитъ, а отписку бумагъ по думѣ возложилъ своею властію на двухъ улусныхъ писарей въ с. Аскызѣ (Улеганова и Григорьева), которымъ денегъ этихъ не даетъ, а по книгѣ въ полученіи ихъ принуждаетъ росписываться.

Что новое положеніе объ управленіи крестьянъ не приноситъ особой пользы при сибирскихъ порядкахъ, удивляться нечему. Въ самомъ дѣлѣ, строй сибирской сельской жизни, волостные порядки и подчиненіе сельскаго управленія администраціи, нѣсколько иного характера чѣмъ въ Европейской Россіи. Зло крестьянскаго самоуправленія, безпорядки волостныхъ и сельскихъ обществъ, какъ и тягости, падающія на крестьянство исходятъ совершенно изъ другихъ источниковъ. Всѣ знающіе условія сибирскаго сельскаго быта знаютъ, что огромная безурядица происходитъ отъ этого вмѣшательства, которое со стороны земской полиціи практикуется, въ крестьянское земское хозяйство, и въ томъ произволѣ, который здѣсь допускается. Если крестьянство въ Европейской Россіи гарантировано отъ этого суммою новыхъ учреждений, судомъ, лучшимъ составомъ администраціи, то въ Сибири дѣла находятся въ томъ же положеніи, какъ 50 лѣтъ назадъ въ Европейской Россіи, то-есть любой земскій чиновникъ здѣсь глава волости и всего крестьянства. Если въ Европейской Россіи для регулированія, направленія и контролированія крестьянскаго самоуправленія являются здоровыя учрежденія и органы, то въ Сибири таковыхъ нѣтъ и еще не создано.

Въ Европейской Россіи земское хозяйство и налоги обезпечены от хищенія и поборовъ. Ни одна крестьянская копейка нейдетъ не по назначенію, въ сибирской волости десятки тысячъ, какъ мы докажемъ бюджетами, идутъ чрезъ руки волостныхъ писарей и на крестьянствѣ лежитъ масса темныхъ и фиктивныхъ расходовъ. Новое крестьянское самоуправленіе по началамъ 1860 г. поэтому немислимо въ Сибири безъ введенія тѣхъ учреждений, которыя гарантировали жизнь крестьянства и въ Европейской Россіи. Если въ Европейской Россіи говорится объ «опекѣ» крестьянскаго самоуправления, то всегда, разумѣется, въ чистыхъ источникахъ и лучшемъ смыслѣ; если существуютъ защитники свободы самоуправления, то они говорятъ противъ опеки, какъ формы вмѣшательства и регламентаціи, а не какъ предлога къ злоупотребленіямъ. Въ Сибири историческая опека при старыхъ порядкахъ получила иное назначеніе и разумѣть ее въ новомъ смыслѣ невозможно. Ее иначе понимаетъ русскій реформаторъ и иначе сибирскій чиновникъ. То, что въ складѣ жизни Европейской Россіи можетъ составить гарантію, въ Сибири можетъ составить обратное. Такъ и случилось съ вопросомъ крестьянскаго самоуправления. Болѣзнь крестьянской волости въ Сибири хорошо извѣстна, какъ и необузданная власть писарей, засѣдателей и исправниковъ. Между тѣмъ новый проектъ положенія о крестьянахъ для излеченія зла полагаетъ усиленіе власти и надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ, какъ и контроль его рѣшеній, но за нимѣніемъ новыхъ учреждений возлагаетъ все это на тѣхъ же засѣдателей и исправниковъ, увеличивая ихъ вліяніе. Понятно, что крупныхъ измѣненій не могло произойти въ жизни крестьянства.

Указываемые примѣры рисуютъ одну форму зла и безвыходности, а именно злоупотребленія волостныхъ писарей единичныя и сложныя, посредственныя и непосредственныя. Сибирская практика даетъ самыя разнообразныя примѣры. Контингентъ волостныхъ писарей весьма часто подвергается обвиненіямъ, но сила не въ немъ одномъ; какъ видимъ, писарь вынуждается брать другими чинами земской полиціи и является ихъ орудіемъ. Но часто волость не выигрываетъ ничего и при честномъ земскомъ чиновникѣ, ибо волостные писаря, ближе стоящіе къ крестьянской средѣ, продолжаютъ злоупотреблять. Единственное средство—смѣнять писарей, но при одинаковомъ ихъ контингентѣ часто происходитъ только смѣна злоупотребленій. Въ концѣ невозможно разобрать, кто беретъ съ волости и крестьянъ, писарь или земскіе полицейскіе чины. Полицейскіе чины будутъ предъявлять, что они люди честные, а злоупотребляютъ писаря, писаря будутъ оправдываться, что они вынуждаются земскою полиціей. Кто изъ нихъ честнѣе—не разберешь. При мѣстной-же формалистикѣ и перепискѣ дѣло можетъ до того запутаться, что высшее губернское начальство потеряетъ всякую нить къ правдѣ и пострадаетъ въ концѣ правый. Такія драмы и происходятъ въ сибирской жизни. Въ дополненіе къ характеристикѣ крестьянскаго самоуправления въ нашихъ рукахъ находится дѣло объ одномъ волостномъ писарѣ въ Восточной Сибири Карапчанской волости Павловѣ. Этотъ писарь составилъ весьма рѣдкое исключеніе, онъ пробовалъ стоять за крестьянскіе интересы и обнаруживать злоупотребленія. И его исторія представила новый примѣръ сибирской практики. Преслѣдуемый засѣдателями, отдаваемый подъ судъ, претерпѣвшій массу несправед-

ливостей, онъ обращается съ слѣдующимъ прошеніемъ къ Иркутскому гражданскому губернатору:

«Если наши государственные законы изданы не для формы и сохраняютъ въ Сибири хотя малѣйшую силу,—я прошу Ваше Превосходительство разсмотрѣть настоящую мою жалобу и сдѣлать по ней самое строжайшее разслѣдованіе, предавъ виновныхъ въ нарушеніяхъ этихъ строгому уголовному суду. Отсутствіе всякой солидарности во взглядахъ и поступкахъ низшихъ полицейскихъ агентовъ, отсутствіе всякой легальной точки опоры, грубый и въ высшей степени неопозволительный административный произволъ этихъ агентовъ на каждомъ шагу, а отсюда цѣлый рядъ безобразныхъ и до невѣроятности разнообразныхъ ихъ дѣйствій, преступающихъ законы, и государственное и общественное право, и право и честь отдѣльныхъ личностей, безнаказанное посягательство на государственную, общественную и частную собственность, убѣдили меня, что законы эти не соблюдаются, иначе долгая и полная безнаказанность этихъ властей, при существованіи закономъ установленной инспекціи, не можетъ быть ничѣмъ объяснена».

Понятно, что здѣсь уже правда на сторонѣ гонимаго волостнаго писаря. Таковы комбинаціи существующаго крестьянскаго самоуправления и его недуги. Понятно, что здѣсь причины не въ одномъ составѣ земской полиціи и не въ составѣ волостныхъ писарей, потому что все это дѣло случайности, но въ тѣхъ обязанностяхъ, которыя на нихъ возлагаются по веденію крестьянскаго хозяйства и самоуправления. Выдѣлите отъ нихъ эту область и злоупотребленія уничтожатся, какъ уничтожились въ Европейской Россіи съ введеніемъ земства. Словомъ, лекарство не въ усиленной опекѣ земской полиціи, а въ тѣхъ новыхъ формахъ жизни и учрежденіяхъ, коими живетъ Европейская Россія. Изъ этихъ началъ и должна исходить сибирская крестьянская реформа.

ХРОНИКА

Въ „Томскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ помѣщено большое и обстоятельное описаніе Минусинскаго музея, рассказывающее его исторію и сообщающее свѣдѣнія о его настоящемъ состояніи. Выписываемъ изъ этой статьи тѣ мѣста, въ которыхъ говорится о воспитательномъ значеніи этого учрежденія. Основаніе въ Минусинскѣ музея, библіотеки и кабинета учебныхъ пособій—превосходный образчикъ того, что можетъ сдѣлать, чего можетъ добиться отъ окружающаго общества даже какой-нибудь одинъ человѣкъ, притомъ лишенный матеріальныхъ средствъ и крайне занятой, едва онъ выступаетъ во имя интересовъ, симпатичныхъ обществу. Люди вездѣ, въ сущности, одинаковы — и цѣтъ того городишка, въ которомъ бы мы не нашли, въ дремлющемъ состояніи, стремленій вообще свойственныхъ вѣку. И общество всегда только ждетъ, чтобы умѣлая рука честнаго человѣка двинула его въ томъ направленіи, которое оно смутно сознаетъ полезнымъ.

„Минусинскій музей“ усердно посѣщается жителями окрестныхъ деревень и города. Въ 1881 г. въ залахъ музея перебивало около 2000 посѣтителей. Пусть читатель самъ разсудитъ, мало ли, много ли умственной пользы должно было принести простому люду разсмотрѣніе всевозможныхъ предметовъ... Минусинскій округъ весь отъ всей души откликнулся на начинанія г. Мартыанова, зная съ кѣмъ имѣеть дѣло и сознавая, болѣе или менѣе отчетливо, смотря

по лицамъ, важность науки. Въ 1881 г. поступило для музея денежных пожертвованій 1013 р., начиная съ крупныхъ взносов и кончая массою мелкихъ, рублевыхъ, двухъ-рублевыхъ и т. д.

Мы лично были свидѣтелями, продолжаетъ авторъ статьи, какъ постепенно въ теченіи 5—6 лѣтъ возростала въ Минусинскѣ охота къ чтенію. Началось, конечно, съ того, что стали брать романы и журналы; впрочемъ, уже во второй годъ существованія бібліотеки были выписаны романы и повѣсти не какіе попало, а именно самыя лучшія, какіе есть въ Россіи, оригинальные и переводные. Постепенно жители стали брать для чтенія и книги серьезнаго содержанія. Мы можемъ положительно засвидѣтельствовать, что въ Минусинскѣ есть лица, которыя, по собственному ихъ сознанію, обязаны болѣе, чѣмъ многимъ, минусинской бібліотекѣ⁴.

Эта замѣтка о Минусинскомъ музеѣ тѣмъ важна, что написана очевидно человѣкомъ не только видѣвшимъ музей, но и присутствовавшимъ при его постоянномъ ростѣ. Еще разъ приходится пожалѣть, что въ Сибири мало простора частной инициативѣ. Сколько бы хорошихъ начинаній было сдѣлано, если бы частныхъ дѣятелей не стѣсняли формальности и разныя обстоятельства, стоящія нерѣдко поперегъ дороги такимъ начинаніямъ.

Намъ передавали, что Кабинетомъ Его Величества предполагается учредить въ Алтай должность постоянного геолога. Назначеніе на эту должность будетъ зависѣть отъ начальника алтайскихъ заводовъ; изъ этого можно заключать, что предполагаемый постоянный геологъ будетъ находиться въ зависимости отъ мѣстнаго горнаго управленія. Не можемъ по этому поводу не высказать опасенія, чтобы эта должность не обратилась просто въ синекуру. Сдѣланный Кабинетомъ опытъ приглашенія постороннихъ геологовъ и натуралистовъ, назначенныхъ Обществомъ естествениспытателей при Сиб. университетѣ, кажется нельзя назвать неудачнымъ и незаслуживающимъ повторенія.

Намъ передаютъ о слѣдующихъ неудобствахъ, встрѣченныхъ нынѣ при препровожденіи по Сибири арестантскихъ партій. На основаніи распоряженія статсъ-секретаря Грота арестантамъ, заболѣвающимъ въ пути слѣдованія въ Сибирь, разрѣшается взимать подводы этапныя лишь на тѣхъ арестантовъ, кои, по освидѣтельствованію ихъ въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ особою комиссіею, будутъ признаны неспособными слѣдовать пѣшкомъ и у которыхъ въ статейныхъ спискахъ будетъ объ этомъ сдѣлана отмѣтка, всѣ же остальные должны безусловно слѣдовать пѣшкомъ и въ случаѣ заболѣванія арестантовъ въ пути отъ мѣста послѣдняго освидѣльствованія ихъ, выдача медицинскихъ свидѣтельствъ на право взиманія подводъ до слѣдующаго такого же пункта строго воспрещено. Такимъ образомъ выходитъ, что арестантъ, вышедшій, положимъ, изъ г. Красноярска, долженъ идти даже и тогда, если заболѣетъ, до перваго лазарета или до губернскаго или уѣзднаго города, т.-е. на разстояніи: до перваго лазарета не менѣе 150—200 верстъ и до уѣзднаго или губернскаго города на разстояніи 500 верстъ. Принимая во вниманіе непогоду, слякоть, дурное помѣщеніе этаповъ, отсутствіе горячей пищи, кромѣ чая, плохую одежду и никуда негодную обувь, арестантъ только съ желѣзнымъ здоровьемъ можетъ вынести всю тяжесть своего путешествія здоровымъ, большинство же арестантовъ больные и слѣдовать пѣшкомъ не могутъ. Распоряженіе же статсъ-секретаря Грота мотивировано тѣмъ, что съ выдачею свидѣтельствъ врачами, не входящими въ составъ комиссій, является необходимость взимать лишнія подводы подъ свозъ больныхъ арестантовъ и что вслѣдствіе этого контракты на этапную гоньбу заключаются съ каждымъ годомъ дороже. Не отрицая этого факта, нужно замѣтить, что съ изданіемъ этого распоряженія въ дѣлѣ заключенія контрактовъ не предвидится возможности къ заключенію ихъ дешевле, во-первыхъ, потому, что всякій подрядчикъ, берущійся за это дѣло, не можетъ знать сколько будетъ комиссіею выдано свидѣтельствъ, а слѣдовательно и неизвѣстно и то, сколько будетъ въ теченіи года потребно подводъ, и цѣну возьметъ большую, а не меньшую. До сего времени въ восточной Сибири, на основаніи инструкціи для мѣстъ, завѣ-

дывающихъ приѣмомъ и отправкою арестантовъ, утвержденной еще генералъ-губернаторомъ восточной Сибири барономъ Фредериксомъ, практиковался слѣдующій способъ: заключался контрактъ на право взиманія столькихъ подводъ, сколько потребуется по числу больныхъ; нынѣ же, съ изданіемъ этого распоряженія, взиманіе подводъ по числу дѣйствительно больныхъ арестантовъ запрещается, а можно только брать то число подводъ, какое слѣдуетъ по числу свидѣтельствъ. Очевидно, такая мѣра противорѣчитъ дѣйствительности. Арестанты, такіе же люди, какъ и всѣ, не обладаютъ особеннымъ желѣзнымъ здоровьемъ и также подвержены всякимъ случайнымъ заболѣваніямъ; очень естественно, если арестантъ, пройдя 150 верстъ, т. е. 8—10 дней въ распутицу и на своихъ собственныхъ подошвахъ, заболѣетъ, то ему необходимо слѣдовать на лошади, а не пѣшкомъ; между тѣмъ, начальники конвойныхъ командъ не имѣютъ возможности, въ силу распоряженія г. Грота, дать больному подводу. Намъ кажется, что такое распоряженіе по меньшей мѣрѣ въ отношеніи арестантовъ несправедливо и требуетъ отмѣны его; такъ какъ оно писалось въ Петербургѣ, не зная мѣстныхъ условій и вѣроятно при предположеніи, что города на ссыльномъ трактѣ встрѣчаются очень часто и что обувь и прочая одежда удовлетворительна, но къ сожалѣнію, если такія предположенія существовали, то они были ошибочны. Обувь, положенная арестанту на 1½ мѣсяца, носится много-много двѣ недѣли, а затѣмъ никуда негодится, о чемъ неоднократно приходилось составлять акты. Пѣшее движеніе арестантскихъ партій слѣдовало давно отмѣнить, потому что оно причиняетъ только убытки и большія неудобства. Устройство этапныхъ зданій въ Иркутской губерніи ниже всякой критики, зданія построены евреемъ Койомъ назадъ тому всего пять лѣтъ, но теперь уже представляютъ собою одиѣ лишь развалины, ремонта никакого, а все сводится лишь къ составленію актовъ, смѣтами и затѣмъ къ складыванію всего этого подъ сукно навсегда. Этапная гоньба отбывается за высокую цѣну, у насъ за 2,900 р., а порядковъ никакихъ нѣтъ. Подрядчики эксплуатируютъ всѣми казенными подрядами и покровительствуются наблюдающими за ними. Такъ сообщаютъ недавно о многихъ безпорядкахъ на почтовой станціи Кимельтейской, тоже содержимой подрядчикомъ, который умѣлъ войти въ расположеніе почтоваго начальства, немогущаго нынѣ добиться отъ того же почтосодержателя, съ февраля мѣсяца, смѣны пняствующихъ ящиковъ, о которыхъ оно сдѣлало предписаніе еще въ февралѣ. Смотрителей почтосодержатели мѣняютъ, по своему произволу, какъ рукавицы, третируютъ ихъ, а почтовое начальство на все это глядитъ безучастно. Въ угоду почтосодержателя, въ концѣ-концовъ, удаляютъ безвинныхъ смотрителей: въ К. въ восемь мѣсяцевъ смѣнилось 8 человѣкъ. Крестьяне, въ свою очередь, терпятъ различныя притѣсенія. Земская полиція также покровительствуетъ подрядчикамъ и даетъ полномочія кредиторамъ сажать должниковъ за долги безъ суда и слѣдствія, по одному лишь приказанію, въ каталжку. Приѣхавшій новый иркутскій губернаторъ сильно противоставляетъ всѣмъ сибирскимъ безпорядкамъ и крестьяне ждуть отъ него очень многого.

Изъ Восточной Сибири сообщаютъ, что иркутское чиновничество въ настоящее время переживаетъ то душевное состояніе, которое переживали многіе изъ героевъ „Ревизора“! Это душевное состояніе вызвано приѣздомъ новаго губернатора г. Носовича. Съ другой стороны, нечиновничество по тому же поводу обуреваемо надеждами и предположеніями такого характера: не обратятъ-ли, молъ, онъ вниманіе на нѣкоторые мѣстные вопросы, на примѣръ: отчего въ Иркутскѣ опасно вечеромъ на улицу показываться, а городская полиція, подъ предлогомъ охраны населенія, разыгрываетъ обдирательныя сцены? отчего по тракту до Нижнеудинска двѣ шайки грабителей уже давненько проѣзжающихъ безпокоятъ? отчего между исправниками встрѣчаются люди совершенно безграмотные? отчего нѣкоторые довольно важныя дѣла лежатъ неисполненными 10—15 лѣтъ? отчего краденныя вещи хозяева ходятъ искать въ захолустья дворовъ частныхъ управъ и обрѣтаютъ? и т. д. и т. п. Если бы перебрать всѣ „отчего“, вертящіяся въ умахъ иркутянъ, составился бы большой томъ убористаго шрифта, и это показываетъ, что настоящее положеніе Иркутской губерніи не за-

ставить ликовать наблюдателя и не может расположить къ благодушеству дѣльнаго правителя губерніи: завровъ нѣтъ и почивать не начесть (климатъ ужъ такой!). Вотъ почему желательнѣе въ новомъ губернаторѣ встрѣтить человѣка дѣятельнаго и внимательнаго къ дѣйствительнымъ нуждамъ населенія.

Г. Носовичъ уже успѣлъ если не осуществить надежды населенія (скоро сказка говорится, да...), то по крайней мѣрѣ поддержать ихъ. Онъ, повидимому, имѣетъ искреннее желаніе серьезно ознакомиться съ туземными интересами. Больницы, говорятъ, нашель въ положеніи, на удивленіе всему міру жалкомъ, въ одномъ учебномъ заведеніи — неопрятность и грязь. Туземцы думаютъ: „можетъ и сдѣлаетъ что-нибудь... только удасться-ли? Одинъ въ полѣ не воинъ, принимая во вниманіе окружающее“.

Въ „Сибирской Газетѣ“ напечатано: „генераль Носовичъ (новый иркутскій губернаторъ) сдѣлалъ уже объѣздъ по губерніи и, говорятъ, поражается мѣстными порядками. Особенно характерно выразился онъ въ одномъ случаѣ: „я боюсь, говорить, пока сильно копаться при ревизіи, потому что за что ни возьмусь, вижу, что кого-нибудь нужно непременно предать суду“. Будемъ надѣяться, что это первое смущеніе свѣжаго администратора въ затхлои сибирской атмосферѣ скоро пройдетъ и онъ произведетъ полное и подробное изслѣдованіе мѣстныхъ злоупотребленій. Нѣкоторыя изъ этихъ злоупотребленій обратились въ систему, имѣютъ видъ мѣстной административной практики; тутъ было бы и несправедливо карать закономъ; но и въ томъ случаѣ, гдѣ злоупотребленіе такъ сказано обязано индивидуальной изобрѣтательности, оно часто истекаетъ изъ общаго строя мѣстной жизни. Поэтому не въ карахъ закона дѣло, а въ обращеніи къ самому обществу. Въ сибирскомъ обществѣ, какъ оно ни плохо, есть элементы хорошіе, но они не пользуются у сибирской администраціи уваженіемъ. Давать вѣсь и цѣну этимъ элементамъ и воспользоваться ими и эмансипироваться отъ золотопромышленниковъ и винокуренныхъ заводчиковъ было всегда политической хорошихъ администраторовъ Сибири: такъ поступалъ Сперанскій, такъ въ послѣдствіи поступалъ и генераль-губернаторъ Запад. Сибири Казнаковъ.

Въ той же газетѣ и еще помѣщено извѣстіе о новомъ иркутскомъ губернаторѣ, такого содержанія: „мы слышали, что новый иркутскій губернаторъ генераль-маіоръ Носовичъ предписалъ всѣмъ полицейскимъ управленіямъ, засѣдателямъ, волостнымъ правленіямъ и сельскимъ управленіямъ ни подъ какимъ предлогомъ не допускать къ занятію разныхъ служебныхъ должностей поселенцевъ, а состоящихъ на службѣ немедленно удалить“. Не можетъ быть сомнѣнія, справедливо говоритъ далѣе „Сибирская Газета“, въ томъ, что подобная мѣра внушена генералу Носовичу добрыми чувствами и желаніемъ принести населенію пользу, но едва ли эта мѣра можетъ имѣть особенное значеніе для кого-либо, кромѣ только тѣхъ поселенцевъ, которыхъ выгонять со службы. Въ самомъ дѣлѣ мѣра эта какъ будто предполагаетъ, что все зло сидитъ въ поселенцахъ, которые орудуя дѣлами и что стоитъ всѣхъ ихъ выгнать, какъ дѣла пойдутъ самымъ настоящимъ образомъ. Мы думаемъ, что и генераль того же мнѣнія и что на распоряженіе свое онъ смотритъ только, какъ на объявленіе своей программы; мы полагаемъ, что этимъ распоряженіемъ онъ хотѣлъ выразить свое порицаніе старымъ порядкамъ, а потому можемъ только благодарить его за такой поворотъ. Правда, излишнее значеніе бумажнымъ аттестатамъ придавать не слѣдуетъ; какъ университетскій дипломъ еще не всегда говоритъ о даровитости и гражданской неподкупности патентата, такъ и статейный списокъ не всегда свидѣтельствуетъ объ испорченности поселенца. Странно бываетъ слышать, когда иной заладитъ, что все спасеніе въ окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: подавай ему и засѣдателямъ съ университетскимъ дипломомъ и квартальныхъ съ значкомъ академіи генеральнаго штаба, въ родѣ того, какъ въ Гоголевской „Женитьбѣ“ извѣстный мичманъ уперся на томъ, что невѣста непременно должна знать по французски. „Да на кой вамъ чортъ французскій языкъ?“ спрашиваетъ его Ячница. Но мичманъ твердитъ одно: „Какъ же такъ? невѣста — и вдругъ не знаетъ по-французски!“ Въ исторіи сибирской администраціи есть примѣры, какъ умные администраторы умѣли пользо-

ваться способностями человѣка непатентованнаго, такъ наприм. графъ Муравьевъ-Амурскій съумѣлъ отгадать способности Ваганова и Шишмарева и воспользоваться ими. Съ другой стороны, тотъ же администраторъ не брезговалъ и услугами интеллигентныхъ поселенцевъ. Спѣшневъ былъ при немъ редакторомъ „Иркутскихъ Вѣдомостей“; въ западной Сибири кн. Горчаковъ пользовался совѣтами ссыльнаго математика Визниковскаго. Исторія науки въ Сибири представитъ не одинъ примѣръ въ этомъ родѣ. Конечно, огульная мѣра генерала Носовича постигнетъ два, три лица несправедливо. Тѣмъ не менѣе къ подобному распоряженію мы можемъ отнестись только сочувственно. Оно внушаетъ намъ мысль, что отнынѣ, съ примѣра г. Носовича, заведется у сибирской администраціи болѣе чистоплотности въ выборѣ служебнаго персонала, чѣмъ это было прежде. Положимъ, требуется укротить разбой на большой дорогѣ; мѣстное начальство посылаетъ человѣка, замѣшаннаго въ вѣсколькихъ дѣлахъ, судомъ неоправданнаго и лишенаго права на государственную службу. Разбой укрощенъ; но въ общественно-воспитательномъ отношеніи не безразлично, какою рукою онъ укрощенъ: рукою человѣка незапятнаннаго или ошельмованнаго.

Что же касается до возможности, что этою мѣрою будутъ смѣщены и нѣкоторые полезные люди, это дѣло, конечно, поправимое; отдѣльные случаи могутъ быть доведены до свѣдѣнія губернатора и онъ, разумѣется, въ удобныхъ случаяхъ можетъ сдѣлать исключенія. Намъ особенно въ этомъ дѣлѣ радуется признаніе самою администраціею ненормальныхъ условій сибирскаго крестьянскаго управленія, которыми такъ долго она не гнушалась. Не удивительно ли, въ одной части имперіи люди опозоренные судомъ изгоняются, какъ недостойные, изъ общества, а въ другой ихъ обращали въ армію восточныхъ писарей, дѣлали фундаментомъ управленія цѣлымъ краемъ? Можетъ быть находились при этомъ такіе наивные люди, которые вѣрили, что такимъ образомъ элементы, бывшіе вредными на старой родинѣ, въ новой средѣ являлись полезными государству, только сибирское общество не заблуждалось подобнымъ образомъ.

— Намъ пишутъ: „Въ Минусинскѣ открыта метеорологическая станція, гдѣ съ 1-го октября начались правильныя наблюденія, которыя будутъ высылаться всѣмъ по первому требованію. Къ несчастію, метеорологическая станція не обладаетъ всѣми необходимыми инструментами для болѣе точныхъ наблюденій: нѣтъ, напримѣръ, термографа и барометра, да и достать негдѣ“.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Забайкалья (корресп. «Вост. Обзор.»). «Въ вѣренномъ мнѣ селеніи существуетъ на людяхъ болѣзнь, со времени назадъ тому мѣсяць, именно болѣзнь въ человѣкѣ начинается съ головы и по тѣлу жаромъ, ознобомъ временно, а потомъ переходя по костямъ тыномъ, по нутру жаромъ и одолеваетъ жажда до такой степени, человѣкъ бѣтается виѣ ума безъ чувствъ» и проч. Такъ доносилъ 1-го августа старшина тунгусской деревни Нижняя Хила оловскому головѣ, живущему въ той же деревнѣ. Рапортъ головы шелъ до думы недѣли три, такъ что только 25-го августа была дана жителямъ первая медицинская помощь сельскимъ, тунгусскимъ, фельдшеромъ. По словамъ его, болѣзнь эту можно отнести къ воспалительной горячкѣ, переходящей въ брюшной тифъ. Болѣзнь занесена сюда съ прииска Бутиныхъ, Дарасуна, откуда, въ началѣ весны, привезена была дочь тунгуса Матвѣя Петрова Арапина, Матрена. Благодаря отсутствію всякой медицинской помощи до послѣднихъ чиселъ августа, брюшной тифъ быстро распространился по всей деревнѣ. Въ Нижней Хилѣ до 50 дворовъ, больныхъ было 25-го августа 65 человѣкъ, умерло 9 человѣкъ; больные были въ каждомъ домѣ, во многихъ же лежали сплошь, отъ мала до велика. Со времени приѣзда сюда нашего «медика», болѣзнь мало-по-малу начала прекращаться. Съ 1-го по 15-е сентября въ Нижней Хилѣ умерло еще 7 человѣкъ, всего же съ начала бо-

лѣзни 16. Кромѣ Нижней Хилы брюшной тифъ появился и въ дер. Кытычѣ, куда онъ былъ занесенъ также съ Дарасуна; сюда съ Дарасуна былъ отправленъ больной рабочій казакъ Гладковъ, который по прїѣздѣ домой умеръ, заразилъ свое семейство, а отсюда болѣзнь начала гулять по всей деревнѣ и унесла немало жертвъ. Болѣлъ народъ въ обѣихъ деревняхъ въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ, не получая никакой медицинской помощи. Это тѣмъ болѣе странно, что въ 30 верстахъ отъ Хилы находится Нерчинскъ, имѣющій двухъ врачей. Когда къ нимъ обратился начальникъ тунгусовъ и попросилъ ихъ съѣздить съ нимъ въ Хилу осмотрѣть больныхъ, то нерчинскіе врачи отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что безъ распоряженія начальства они не могутъ ѣхать въ другой (Читинскій) округъ. 7-го сентября прїѣзжалъ въ Хилу нерчинскій врачъ Шари, но на другой же день уѣхалъ. Еще весною, въ этомъ году, почти до половины лѣта на прїискѣ Дарасунѣ существовалъ падежъ на лошадей. Болѣзнь, начинаясь опухолью на груди, шеѣ и другихъ мѣстахъ, дѣйствовала очень быстро и никакія мѣры, принимаемыя здѣшними лекарями-коновалами, за отсутствіемъ знающихъ ветеринаровъ, не помогали. Самое леченіе больныхъ лошадей было—такъ сказать—доморощенное, практикующееся вездѣ по Забайкалью: опухоль надрѣзывали, а въ разрѣзъ всыпали сулемы. Такое леченіе не обходилось безъ печальныхъ послѣдствій: лошадей не спасали, а коновалы, лечившіе и ухаживавшіе за больными лошадьми, сами заражались и умирали. Такъ, у подрядчика по сѣмкѣ турфовъ, Полутова, заразились, во время леченія больныхъ хозяйскихъ лошадей, коновалы: тунгусъ деревни Кокуйской Григорій Лисичниковъ и мѣщанинъ Болотовъ, и умерли вскорѣ. Лисичниковъ оставилъ послѣ себя многочисленное и безпомощное семейство. Такихъ случаевъ, говорятъ, было здѣсь немало: умирали коновалы и простые рабочіе и у прїисковъ хозяевъ, и у частныхъ турфовщиковъ, небрежно и неумѣло лечившихъ лошадей. Кромѣ этого, рассказываютъ, здѣсь былъ и брюшной тифъ. Начался онъ еще въ прошломъ году, продолжался въ нынѣшнемъ и немало унесъ жертвъ, по большей части, изъ рабочихъ. Да и какъ имъ было не помирать при очень тяжелой работѣ, продолжающейся съ 4-хъ часовъ утра до 8 ч. вечера, съ небольшими перерывами, зачастую въ зной, грязь и слякоть, при недостаточной и плохой пищѣ. Судя по рассказамъ самихъ рабочихъ, бѣжавшихъ нынѣшнимъ лѣтомъ съ Дарасуна партіями по нѣскольку человѣкъ, здѣсь зачастую практикуется выдача рабочимъ, вмѣсто свѣжаго и хорошаго мяса, протухлыхъ головъ и потроховъ. Помѣщеніе рабочихъ также неособенно хорошее. Это, по большей части, простые бараки не шире 2¹/₂ саж., раздѣленные поперекъ на нѣсколько помѣщеній по 2¹/₂—3 саж., при вышинѣ ихъ менѣе сажени внутри, съ поломъ, настланнымъ прямо на землю. Въ каждое помѣщеніе съ одной стороны ведутъ двери, прямо же по два окна рядомъ, зачастую съ выбитыми стеклами; съ двухъ сторонъ нары. Полъ, нары, стѣны покрыты толстымъ слоемъ грязи. Въ такомъ помѣщеніи ситъ не менѣе 25 человѣкъ рабочихъ, такъ что на каждаго приходится среднимъ числомъ по четверти кубической сажени (85,75 куб. футовъ) воздуха. Трудно представить, до какой степени испорченнымъ воздухомъ дышать рабочіе! Такая заразительная болѣзнь, какъ тифозная горячка, встрѣчала неистощимую почву для себя среди рабочихъ; рабочіе не находили другого исхода для себя, какъ бѣжать, но что бы то ни стало, хотя побѣгъ ихъ никакой пользы ни имъ, ни ихъ обществу не приносилъ. Сейчасъ же за побѣгомъ рабочихъ, прїисковое управленіе обыкновенно обращается къ исправникамъ: послѣдніе предписываютъ стаячнымъ, волостнымъ правленіямъ и

думамъ о скорѣйшемъ розысканіи и препровожденіи рабочихъ — прїисковыхъ должниковъ — за строгимъ карауломъ. Исправники одѣляютъ вышеозначенныя правленія и думы строгими предписаніями, требуя «въ 24 часа выполнить предписаніе относительно высылки рабочихъ людей на прїиски». Такое, напримѣръ, предписаніе было разослано по поводу побѣга съ Шахтаминскихъ прїисковъ. За неисполненіе такихъ строгихъ повелѣній общественнымъ управленіямъ и должностнымъ лицамъ сулятъ всевозможныя кары и наказанія. Благодаря прїисковымъ магнатамъ, много пишется бумаги въ разныхъ канцеляріяхъ и общ. управленіяхъ, еще больше тратится труда и самаго дорогаго времени на розыски и препровожденіе бѣглецовъ-рабочихъ на прїиски, какъ разными должностными лицами, такъ и жителями. И все это безъ всякаго вознагражденія со стороны прїисковъ! А эти прїиски, въ родѣ Дарасуна, находясь въ такомъ привилегированномъ положеніи и принося обществу совершенно ничтожную пользу, безнаказанно служатъ разсадникомъ всевозможныхъ болѣзней!

Въ концѣ августа, изъ Читы, внизъ по Ингодѣ, плыли молодые казаки—послѣдняго призыва,—отпущенные со службы въ отпускъ на мѣсяць; дорогой они заплывали въ деревни, за покупкою съѣстныхъ припасовъ. Время было рабочее, большая часть избъ были пусты, или оставались въ нихъ старые и малые. Этимъ многіе изъ казаковъ, въ особенности дальніе, пользовались, крали все, что плохо лежало: курицъ, поросятъ, опустошали кринки съ молокомъ, забирали хлѣбъ; кромѣ того, пускались и на мошенничество: брали хлѣбъ изъ рукъ хозяевъ, особенно женщинъ, и, не заплативъ за него, убѣгали. Оказывается, что многіе изъ нихъ дѣлали это по необходимости. Еще въ бытность ихъ въ Читѣ, сдѣлано было распоряженіе о пріобрѣтеніи на счетъ казаковъ мѣдныхъ чановъ для варки пищи, для чего приказано было каждому изъ казаковъ внести по рублю. Всѣхъ казаковъ было, говорятъ, 1,200 человѣкъ. Богатые внесли, а съ бѣдняковъ же, неимѣвшихъ возможности уплатить, удержано было изъ кормовыхъ, отпущенныхъ на дорогу. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ денегъ на дорогу, казаки принуждены были красть, или идти голодомъ.

Иркутскъ (корресп. «Вост. Обозр.»). Еслибы врачи-санитары заглянули въ наши присутственныя мѣста, то нашли бы тамъ все, что вредно для человѣческой жизни, — духоту, громадное стеченіе народа, безпрестанно курящаго плохой табакъ, въ маленькихъ, сравнительно, комнатахъ, отсутствіе вентиляцій, дурное устройство ретирадъ, при которомъ зловоніе заражаетъ воздухъ канцелярій, и т. п. Все это безусловно вредно дѣйствуетъ на людей и такъ некрѣпкихъ здоровьемъ отъ сидячей жизни, отъ отсутствія движенія, этихъ несчастныхъ мучениковъ канцелярскаго труда, гонимыхъ отъ году увеличивающагося. Фабричный трудъ ограниченъ числомъ рабочихъ часовъ, а трудъ канцелярскій не ограниченъ ничѣмъ; въ этой области человѣческаго труда царитъ ничѣмъ неограниченный произволъ гг. столоначальниковъ, начальниковъ отдѣленій, совѣтниковъ, предсѣдателей et tutti quanti. Столоначальникъ, или кто-нибудь изъ перечисленныхъ чиновъ или особъ, желая отличиться по службѣ, удвоивши число исходящихъ, и этимъ поднять свою особу ступенькой выше по іерархической лѣстницѣ, создаетъ для своихъ подчиненныхъ истинную муку. Особенно жутко въ настоящее время живетъ чиновникамъ здѣшней контрольной палаты; служащіе стали засиживаться до 5 часовъ и дольше; затѣмъ было объявлено о необходимости вечернихъ занятій по два раза въ недѣлю, а потомъ заговорили и о ежедневныхъ вечернихъ занятіяхъ. Даже во время поправки печей, когда глиняная пыль толстыми слоями ложилась на бумагахъ, столахъ, слѣдовательно, и на легкихъ счетчиковъ;

служащіе должны были сидѣть за работою обычный срокъ и глотать эту отраву. При такихъ невыгодныхъ гигиеническихъ условіяхъ, число рабочихъ часовъ канцелярскаго чиновника зависить отъ произвола или каприза того лица, въ рукахъ котораго находится ихъ судьба. Въ опредѣленіи на службу на канцелярскія мѣста, даже на мѣста съ ничтожнымъ содержаніемъ, играетъ часто большую роль протекція, родство, знакомство, однокашничество. Иногда особа выводитъ на значительную должность какое-нибудь лицо только потому, что оно когда-то было учителемъ жены особы. Подобное лицо, сразу занявшее видную должность по протекціи или родству и незнающее и неумѣющее взвѣсить тягость канцелярскаго труда, опредѣляетъ размѣръ его, не соображаясь съ человѣческими силами. Увлекаясь желаніемъ только отличиться и думая о себѣ, оно надбавляетъ рабочіе часы и не слышитъ возгласовъ: «Пожалѣй меня! я братъ твой!», которые раздаются изъ чахоточныхъ грудей, какъ изъ груди гоголевскаго Акакія Акакіевича.

Изъ **Бійскаго округа** (корр. «Восточн. Обозр.»). Урожай хлѣба и кормъ скота, въ Бійскомъ округѣ, хорошъ вообще; меда урожай средній, на сборъ орѣха виды слабые. — Вотъ новости Алтая, которыя я вамъ и сообщаю.

По дорогѣ изъ Бійска въ Ангудай, недѣзжая послѣдняго 20 в., въ 1879 г. выстроился поселокъ русскихъ крестьянъ. Крестьяне эти не тѣ переселенцы, которые ѣдутъ въ Бійскій округъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, а всякій сбродъ изъ разныхъ волостей Бійскаго же округа и переселились во внутрь Алтая вѣроятно не въ видахъ удобствъ въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, а въ видахъ наживы, а также легкихъ и прибыльныхъ спекуляцій съ калмыками. Но, вѣроятно по неумѣнію взяться за дѣло, или система наживы была очень груба, только даже вѣчно довѣрчивые калмыки поняли ее, стали ссориться съ крестьянами и просили русскія власти удалить крестьянъ съ ихъ угодій. Крестьяне же луговые мѣста, гдѣ пасся скотъ калмыковъ, назначили подъ свой покосъ, и вблизи аиловъ сдѣлали посѣвы хлѣбовъ, луга и хлѣбъ не огородили, причемъ неизбежно являлись поправки хлѣба и луговъ калмыцкими стадами. — Это и послужило поводомъ постоянныхъ ссоръ крестьянъ съ калмыками. Крестьяне за поправку хлѣба или сѣнокоса угоняли скотъ у калмыковъ, и брали съ послѣднихъ довольно крупныя и всегда произвольныя штрафы. Калмыки жаловались на эти несправедливости всюду. Просили бійское начальство, просили и въ Омскѣ, но почему-то нигде ничего не получили, если не считать за защиту обѣщаніе сдѣлать формальное дознаніе — крестьяне же, ободренные безнаказанностью, все болѣе и грубѣе обездоливали калмыковъ, и такъ далеко зашли въ этомъ, что стали останавливать калмыковъ, ѣдущихъ по дорогѣ возлѣ ихъ деревни, отбирали у нихъ все цѣнное имущество, и били калмыковъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Наконецъ, въ половинѣ іюня крестьяне напали на калмыковъ, завязалась драка, на помощь калмыкамъ явились родичи изъ разныхъ аиловъ, крестьяне выступили почти всей деревней, и изъ драки вышло побойше, причемъ нѣсколько человѣкъ калмыковъ тяжело ранено и одинъ буквально изуродованъ. Черезъ нѣсколько дней былъ у калмыковъ проѣздомъ окружный врачъ, засвидѣтельствовалъ увѣчья и нашелъ ихъ тяжкими — и только. Потомъ былъ проѣздомъ (провожая викарія Владиміра по Алтаю) засѣдатель и обѣщалъ на обратномъ пути сдѣлать формальное слѣдствіе, но калмыки давно уже потеряли всякую надежду на формальное дознаніе и слѣдствіе и рѣшили обратиться съ просьбой о заступничествѣ къ викарію Владиміру. Его преосвященство выслушалъ калмыковъ, ободрилъ ихъ и обѣщалъ куда-то написать, а

назавтра въ ангуданской церкви говорилъ рѣчь православнымъ о томъ, что калмыки народъ хотя и некрещеный, но бить ихъ и обижать грѣшно. — Не знаю какъ подѣйствовали слова эти на православныхъ, но было бы очень хорошо, еслибы его преосвященство написалъ о случившемся кому слѣдуетъ. Носятся слухи, что калмыки изъ своей среды избрали депутацію изъ нѣсколькихъ человѣкъ, собрали деньги, нашли опытнаго переводчика и направили эту депутацію за розысками правосудія, сначала въ Омскъ, а если тамъ не найдутъ удовлетворенія, то рѣшено ѣхать въ Петербургъ. Здѣсь мнѣ пришлось слышать стараго калмыка, который разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: «Въ алтайской вѣрѣ былъ я, — бѣдный былъ — скота не было, въ русскую вѣру пошелъ, думалъ русская вѣра лучше будетъ — тоже и скота нѣтъ, и хлѣба нѣтъ, никому я не наду. Былъ здѣсь большой попъ (викарій Владиміръ), ходилъ къ нему, онъ сказалъ: не завидуи у кого богатства много, у кого скота много, а молись, чтобъ тебѣ Богъ далъ, когда ты умрешь, на томъ свѣтѣ благодати вѣчной. — А мнѣ теперь, пока я живу, ѣсть нечего, и носить нечего — что это за жизнь!»

Въ Ангудай я былъ на калмыцкой свадьбѣ, женился некрещеный калмыкъ, а на свадьбѣ было болѣе половины крещеныхъ и даже самый обрядъ вѣнчанія и заклинанія дѣлали крещеные калмыки.

Изъ **Ферганской области** (корр. «Вост. Обозр.»). Вопросъ о ссылкѣ въ Сибирь, такъ сильно заинтересовавшій русскихъ юристовъ и сибирское общество, имѣетъ близкое отношеніе и къ туземцамъ нашего края. Извѣстно, что ссылка въ Сибирь, какъ наказаніе, стала практиковаться въ этомъ краѣ со времени прихода русскихъ. Какъ будетъ рѣшенъ о ней вопросъ, покажетъ будущее, но мы жезаемъ отмѣтить, какъ аномальное наказаніе, ссылку въ Сибирь туземцевъ Туркестанскаго края. Извѣстно, что наказаніе преслѣдуетъ цѣль исправленія преступника, но не должно посягать на его здоровье. Установивъ это положеніе о наказаніи, мы обратимся къ жизни по вопросу о томъ, что можетъ дѣлать туземецъ Туркестанскаго края, сосланный въ Сибирь? Полная экономическая беспомощность — прямой отвѣтъ, благодаря тѣмъ климатическимъ условіямъ, среди которыхъ онъ выросъ и какія встрѣтитъ въ Сибири, благодаря незнанію имъ русскаго языка. Переносъ на родинѣ жару до 48°, ему приходится переносить въ Сибири морозъ, доходящій до упомянутыхъ градусовъ, не имѣя теплой одежды. Какія послѣдствія должны быть для здоровья отъ климатическо-экономическихъ условій, — вопросъ медицины, но думаемъ, что результаты должны получиться грустные, а потому наказаніе будетъ посягать на здоровье и не достигнетъ цѣли исправленія преступника. Намъ привелось недавно слышать объясненіе одного сарта, сосланнаго въ Сибирь и бѣжавшаго снова въ Туркестанскій край. Просто и математически вѣрными соображеніями оправдывалъ онъ свое бѣгство изъ Сибири ца родину. — «Что я буду дѣлать въ Сибири, говорилъ сартъ, одежды нѣтъ, холодно, работы искалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Никто не дастъ, языка русскаго не знаю, а потому и бѣжалъ въ Туркестанъ». А между тѣмъ вопросъ о ссылкѣ туземцевъ, если таковая останется въ будущемъ, болѣе цѣлесообразно разрѣшается по отношенію къ мѣсту таковой, если мы вспомнимъ степныя пространства Самарской и нѣкоторыхъ другихъ губерній. Тамъ, сосланный туземецъ скорѣе могъ бы быть полезнымъ членомъ общины, чѣмъ въ Сибири, во-1-хъ благодаря климатическимъ условіямъ, къ которымъ ему привелось бы привыкнуть съ менѣе печальными для здоровья послѣдствіями, чѣмъ въ Сибири; во-2-хъ, вѣковыя арычныя работы (проведеніе каналовъ для орошенія полей) сдѣлали изъ туземца специалиста по

этой части, а въ нашихъ южныхъ губерніяхъ вопросъ объ искусственномъ орошеніи полей стоитъ еще на очереди.

ДВИЖЕНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ ВЪ МИНУСИНСКІЙ ОКРУГЪ.

Наступила осень, а за нею не заставившая себя долго ждать и лютая сибирская зима; всё тѣ несчастные, которые съ ранней весны тянулись изъ Россіи въ Сибирь, ища медовыхъ рѣкъ съ кисельными берегами, volens-nolens—должны приостановить свои дальнѣйшіе поиски и остаться тамъ, гдѣ застала ихъ поздняя осень. Теперь самое удобное время подвести итоги новымъ пионерамъ въ Сибири, прибывшимъ въ этомъ году. Но собирать какія-бы то ни было свѣдѣнія въ Сибири частному человѣку неособенно легко и по тому, вообще, что частный человѣкъ, не снабженный на лбу кокардою, возбуждаетъ «сомнѣніе», и потому, что для частнаго человѣка никто не приложитъ особенныхъ трудовъ: «и времени» оказывается «нѣтъ», и «дѣлъ много», и т. д.; вотъ другое дѣло, если бы было распоряженіе отъ высшихъ властей: «оказывать Н всяческія пособія при собираніи имъ свѣдѣній»... Какъ ни какъ, а намъ удалось собрать статистическія данныя по переселенческому вопросу за этотъ годъ, и мы спѣшимъ подѣлиться ими, напередъ говоря, что наши свѣдѣнія несомнѣнно прихрамываютъ и касаются только времени отъ апрѣля по іюль 1882 г. За эти четыре мѣсяца въ Минусинскій округъ прибыло переселенцевъ 86 человѣкъ обоого пола изъ губерній: Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Вологодской, Тобольской и Полтавской, изъ каждой губерніи въ такихъ количествахъ:

Изъ Воронежской	11 муж. и 15 жен.
» Тамбовской	8 » 9 »
» Саратовской	5 » 10 »
» Вологодской	7 » 4 »
» Тобольской	5 » 2 »
» Полтавской	7 » 3 »

Переселенцы изъ первыхъ трехъ губерній поселились въ выселкѣ Самодуровка, который принадлежитъ городу Минусинску, причемъ переселенцы изъ Воронежской губерніи направлялись въ Иркутскую губернію, а Тамбовской и Саратовской именно въ Минусинскъ; послѣднее обстоятельство объясняемъ тѣмъ, что въ Самодуровкѣ очень значительный контингентъ лицъ, ранѣе переселившихся изъ губерній Самарской и Саратовской, о чемъ будемъ говорить ниже. Переселенцы изъ Вологодской и Тобольской губ. поселились въ дер. Малме Каныши, Абаканской вол., а переселенцы изъ Полтавской губ. въ д. Жарлыкни, Тесинской вол. Бывшіе жители Вологодской и Тобольской губерній прямо шли въ Минусинскій округъ, хохлы же, полтавцы, имѣли намѣреніе проникнуть на Амуръ, но судьба привела ихъ къ намъ, гдѣ они, нужно полагать, и осядутся, такъ какъ въ Минусинскомъ округѣ малоруссовъ проживаетъ немало.

Мотивы переселенія у всѣхъ одни и тѣ же: недостатокъ земли, а у переселенцевъ изъ Вологодской губерніи недостатокъ земли и лѣсу. Всѣ переселенцы шли на собственный счетъ, отъ казны пособій не получали, и такъ какъ свои средства были нищенскія, то кор-

мились въ большинствѣ подалніями. Вотъ единственное имущество переселенцевъ, съ которымъ они явились въ Минусинскій округъ:

На 26 чел. об. пола изъ Вор. губ. было 5 пов. 6 лощ. 0 рог. скота	
» 17 » » Тамб. » 6 » 3 » — »	
» 15 » » Сарат. » — » — » — »	
» 11 » » Волог. » 4 » 5 » — »	
» 7 » » Тоб. » 2 » 3 » — »	
» 10 » » Полт. » 2 » 2 » — »	
86	19 » 19 »

Выходить, если бы они ѣхали въ одно время и всё вмѣстѣ, то на одну повозку, везомую одною лошадыю, должны были садиться болѣе 4 человѣкъ—ѣзда, какъ видите, не изъ удобныхъ; но несомнѣнно, что, наиримѣръ, воронежцы ѣхали именно такъ, т.-е. по 5 человѣкъ на повозкѣ, а на одну повозку приходилось 6 человѣкъ. Нельзя отъ всей души не пожелать этимъ труженикамъ, ищущимъ куска хлѣба, поправить свои дѣла въ Минусинскомъ округѣ, хотя это, какъ говорится, еще вилами писано. Намъ, по крайней мѣрѣ, пришлось встрѣтиться съ тремя типами деревень въ Минусинскомъ округѣ, образованныхъ переселенцами: одна, построенная вятскими переселенцами, другая малороссами и третья—мордвою изъ Самарской губерніи. Весною этого года, мнѣ пришлось совершить путешествіе отъ Ачинска до Минусинска; на пути мнѣ встрѣтились двѣ переселенческихъ деревушки: Вятка, носящая такое названіе, благодаря вятчанамъ, исключительно населяющимъ эту деревушку, и «Перевозные Хохлы», деревня съ исключительно малороссійскимъ населеніемъ. Не безъ наслажденія пробирался я по ужасной дорогѣ къ Вяткѣ, думая увидѣть благоденствующаго русскаго крестьянина на сибирской почвѣ, среди необъятныхъ земель и лѣсовъ, находящихся въ его распоряженіи, но мнѣ пришлось разочароваться. Прежде всего я замѣтилъ, что мѣсто для поселенія выбрано прескверное и сама деревушка была крайне неприглядная, въ одну улицу, съ полуразрушавшимися избушками. Что за диковина? предложилъ я себѣ вопросъ и остановился въ лучшемъ на видѣ домѣ, скоро уже по душѣ разговаривая съ хозяиномъ.

— Давно изъ Вятской губерніи?—спросилъ я его.

— Давненько.

— Что вы такое мѣсто выбрали?

— Да Богъ его знаетъ... Развѣ знашь мѣсто—скорѣе бы пристроиться, а про мѣсто какъ узнашь? Рази посла ужѣ, а пришли—надо селиться, кормиться какъ пибудь.

— Чего же вы на лучшее мѣсто не переберетесь?

— Куда его переберешься? Да коли ежели и вздумалъ бы перебраться, тамъ опять обстраивайся, обзаводися—а за что? на какія деньги? Видишь, не больно богаты.

— Много лѣтъ повинностей не отбывали, податей не платили?

— Восемь.

— И не успѣли оправиться?

— Съ чего оправиться, коли ничего и не было, а какъ кой-что завелось—повинность пошла: партіи вози, дорогу справляй, потомъ деньгами тоже...

— Гдѣ же было все-таки лучше: въ Россіи или здѣсь?

— Да оно какъ будто здѣсь и попривольнѣе, да Богъ его знаетъ.

— Вѣдь здѣсь земли сколько угодно, лѣсу...

— А что ты съ ними дѣлать будешь, ежели примѣрно больше ничего и нѣтъ: много земли не напашешь, ежели средствъ нѣтъ—такъ-то!

Я не могъ ничего возразить противъ вѣрности такого заключенія и съ душевною болью сѣлъ въ повозку, чтобы отправиться дальше; такъ какъ я бѣжалъ на вольныхъ, то немало былъ удивленъ, когда вмѣсто ямщика лошадьми правила баба.

— Что это баба везетъ?—спросилъ я у окружавшихъ меня вятчей.

— А гдѣ мужика взять-то? отвѣтили они мнѣ вопросомъ: померъ.

— Развѣ и бабы у васъ повинности отбываютъ?

— У насъ на мертвыхъ кладутъ, а не то что на бабъ, отвѣтили какой-то мужичонка.

— Какъ на мертвыхъ?

— Да вотъ переписи нѣтъ какъ нѣтъ, а у насъ померло человекъ съ полсотни, за всѣхъ и плати! Что, не слышать о переписи? спросилъ этотъ же крестьянинъ. Всѣ мужики придвинулись къ повозкѣ.

— Нѣтъ, я ничего не слышалъ.

— А можетъ статься, что въ «Вѣдомостяхъ» пишутъ?

— Не читалъ.

— Не читали?

— Нѣтъ.

— Это вѣдь штука, а сказывали, что будетъ.

Не скоро баба довезла меня до слѣдующей деревни, усердно погоняя свою несчастную клячу.—Какъ видите, судя по Вяткѣ, нельзя еще предположить о блаженномъ состояніи русскаго переселенца въ Сибири. Точь въ точь увидѣлъ я и въ «Перевозныхъ Хохлахъ», возлѣ Абаканска; въ этой деревушкѣ бѣдность поразительная, у малоруссовъ во всей деревнѣ не нашлось на одинъ рубль денегъ!! Занимаются они рыбною ловлею, земленашествомъ и перевозомъ черезъ Енисей, отбывая эту повинность за окрестныя деревни и села, за что получаютъ незначительную плату.

Только мордва порадовала меня; мордва поселилась лѣтъ 20 тому назадъ въ Малой Митусѣ, въ 4—5 вер. отъ Минусинска, которому и принадлежитъ Малая Митуса.

— Что, хорошо здѣсь жить? спрашивалъ я нѣсколько разъ мордву: лучше чѣмъ въ Самарской губерніи?

— Не въ примѣръ лучше, отвѣчаютъ мордовцы довольно чистымъ русскимъ языкомъ: тамъ мы въ лаптяхъ ходили—здѣсь въ сапогахъ, тамъ наземомъ отапливались—здѣсь дровами, тамъ въ курныхъ избахъ жили—здѣсь въ хорошихъ домахъ, тамъ голодали—здѣсь ѣдимъ вдоволь, тамъ земли не было—здѣсь сколько душѣ угодно, только жаль, что всѣ залежи вспаханы; приходится искать залежей: неохота по два раза сѣять на одной землѣ.

Вотъ какъ живетъ мордва въ Минусинскомъ округѣ! Они говорятъ, что всѣ мордовцы хотятъ сюда переселиться, да денегъ у нихъ нѣтъ.

Каково-то будетъ житье новымъ переселенцамъ въ Минусинскомъ округѣ? Объ этомъ когданибудь разузнаемъ и подѣлимся свѣдѣніями.

Петровичъ.

АНГАРСКАЯ ГРЕЗА.

(Дорожный набросокъ).

Вонъ виднѣются горы Байкала

Въ чуть замѣтной дали Ангары...

И душѣ моей живо предстала

Ты, избранница юной поры!

Мнѣ мерещится смуглый румянецъ,

Смоль густыхъ, непокорныхъ волосъ

И отъ солнца блестящій ихъ глянецъ,

Отгнѣенный бутонами розъ.

Я узналъ васъ, сибирскія розы!

Разскажите вы, милыя, мнѣ:

Иль не губить снѣга и морозы

Васъ и въ нашей суровой странѣ?

И, какъ тихій младенческой лепеть,

Мнѣ послышался ясно отвѣтъ:

«Мы цвѣтемъ, подавляя свой трепеть,

Ради родины, милый поэтъ!»

Омулевскій.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Судъ надъ Араби-пашой состоялся 21 ноября (3 декабря). Египетскія власти обвиняли Араби лишь въ вооруженномъ бунтѣ и отказались отъ прочихъ пунктовъ обвиненія. Бывшій народный вождь призналъ себя виновнымъ. Онъ приговоренъ къ смертной казни, но хедивъ смягчилъ приговоръ и замѣнилъ для Араби-паши смертную казнь пожизненнымъ изгнаніемъ изъ Египта съ тѣмъ, что въ случаѣ возвращенія онъ будетъ немедленно казненъ. При засѣданіи суда, продолжавшемся не болѣе пяти минутъ, присутствовали лишь немногіе европейцы. Европейское населеніе Александріи болѣе всего интересуется вопросомъ о матеріальномъ вознагражденіи пострадавшихъ во время бомбардированія и пожара города. Но разрѣшеніе этого вопроса еще не предвидится. О дѣйствіяхъ пророка Махди положительныхъ свѣдѣній пока нѣтъ.

— Въ Константинополѣ открытъ заговоръ противъ султана; производится слѣдствіе, арестовано нѣсколько высокопоставленныхъ нашей, распушенъ цѣлый полкъ султанской гвардіи, состоявшій изъ черкесовъ и выслано на родину 120 черкешеновъ султанскаго гарема; кромѣ того, въ связи съ заговоромъ, какъ говорятъ, произошла перемѣна министерства. По мнѣнію многихъ иностранныхъ газетъ, заговоръ этотъ есть ни болѣе ни менѣе какъ простая дворцовая интрига, не представляющая рѣдкости и въ Константинополѣ. На этотъ разъ агитацію произвели сторонники Митхада-паши, сосланнаго въ свое время по подозрѣнію въ заговорѣ противъ султана Абдуль-Азиса. Если въ составъ новаго министерства войдутъ митхадисты, то кромѣ поворота во внутренней и внѣшней политикѣ слѣдуетъ ожидать измѣненія и въ участи самого Митхада, творца знаменитой турецкой конституціи.

— Послѣ принятія глэдстоновскаго билля о реформѣ парламентскаго дѣлопроизводства, дополнительная сессія англійскаго парламента кончилась. Засѣданія палаты закрыты. От-

носителю Египта въ тронной рѣчи королевы высказано, что обязанности Англіи въ отношеніи Египта умножились. Все вопросы, предложенные членами парламента правительству о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ касательно египетскихъ дѣлъ, отложены до открытія слѣдующей сессіи въ февралѣ. Европейская конференція будетъ созвана не иначе какъ послѣ того, когда Англія убѣдится, что рѣшеніе державъ не представитъ ей затрудненія въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, чего англійское правительство достигнетъ предварительными переговорами съ кабинетами. Девиэтъ произнесъ въ Ирландіи рѣчь, въ которой высказывался противъ уплаты арендныхъ денегъ въ случаѣ, если Гладстонъ, въ виду грозящаго западной Ирландіи голода, не окажетъ нуждающимся фермерамъ пособія изъ государственныхъ суммъ. Девиэтъ потребованъ въ засѣданіе суда. Убийства продолжаются. Въ Дублинѣ убитъ Фильдъ, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, осудившихъ недавно крестьянина Гэйна; убійцы скрылись въ экипажѣ.

— Совѣтъ французскихъ министровъ обсуждалъ средства обезпеченія выполненія договора, заключеннаго путешественникомъ Брацца съ предводителями африканскихъ племенъ на Конго относительно земельного пріобрѣтенія. Предполагается отправить экспедицію подъ руководствомъ самого Брацца, для ознакомленія съ краемъ въ торговомъ отношеніи и назначить коммерческаго агента въ мѣстности на Конго. Сенатъ утвердилъ договоръ Брацца. Полагаютъ, что ловкій путешественникъ будетъ назначенъ губернаторомъ новой французской провинціи. Кромѣ этого земельного пріобрѣтенія Франція задумала новое, на восточномъ берегу Африки, въ виду англійскихъ владѣній, именно на островѣ Мадагаскарѣ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ мадагаскарскому посольству уступить Франціи нѣсколько прибрежныхъ пунктовъ, но получилъ отказъ. Посольство уѣхало въ Англію предложить протекторатъ на островахъ. Французское правительство намѣрено поступить энергично и готовить экспедицію противъ Мадагаскара. Британскій кабинетъ поспѣшилъ напомнить Франціи, что въ мадагаскарскихъ водахъ находятся британскія суда, которыя могутъ воспротивиться дѣйствіямъ французовъ противъ острова. Кромѣ того французскій путешественникъ Соделъ занялъ отъ имени Франціи Таджурскую бухту, на границѣ Египта и Абиссиніи. По увѣреніямъ французской печати, Соделъ пріобрѣлъ бухту въ силу договора съ султаномъ Ленты; англійскія же газеты доказываютъ, что эта бухта принадлежитъ Египту въ силу особаго султанскаго фирмана и спеціальнаго декрета. Все это ставитъ Францію и Англію въ холодныя отношенія. Толки о замѣнѣ Жюля Греви все еще продолжаются. Такъ какъ нынѣшній составъ палаты враждебенъ Гамбеттѣ, то и шансовъ на избраніе его почти нѣтъ. Гамбетта, понимая свое положеніе, какъ о томъ сообщаетъ газета «France», интригуетъ съ цѣлюю подыскать подставнаго кандидата на постъ Жюля Греви. Роль эта предоставлена будто бы имъ генералу Кампенону, бывшему военному министру въ кабинетѣ Гамбетты. Генералъ Кампенонъ, какъ увѣряетъ «France», согласился занять президентскій постъ съ исключительною цѣлюю распустить нынѣшнюю палату депутатовъ и произвести новые выборы при министерствѣ, составленномъ исключительно изъ гамбеттистовъ. Когда въ новой палатѣ окажется желаемое большинство, уже обезпеченное за Гамбеттой въ сенатѣ, генералъ подастъ въ отставку и Гамбетта будетъ избранъ въ президенты. Бюджеты военнаго и морскаго министровъ утверждены палатою.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликовано, что вслѣдъ за беспорядками въ казанскомъ и петербургскомъ университетахъ, студентами произведена была сходка въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ и произошли беспорядки въ кіевскомъ и харьковскомъ университетахъ, въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ и въ демидовскомъ лицей въ Ярославлѣ, съ цѣлюю выразить сочувствіе петербургскимъ и казанскимъ студентамъ. Лекціи въ харьковскомъ универ-

ситетѣ и ветеринарномъ институтѣ продолжались. Изъ демидовскаго лица выслано 11 студентовъ на родину.

— Въ главномъ управленіи военноучебныхъ заведеній особою комисіей разрабатывается, какъ передаютъ «Московскія Вѣдомости», проектъ новаго положенія о кадетскихъ корпусахъ, долженствующій превратить военныя гимназіи въ корпуса не номинально, а фактически.

— Высочайше утверждень 3 ноября 1882 года полный титулъ Императорскаго Величества. Въ російскій государственный гербъ включенъ туркестанскій гербъ (въ золотомъ щитѣ черный идущій единорогъ съ червленными глазами, языкомъ и рогомъ).

— Министерство финансовъ, какъ сообщаетъ сегодня «St.-Petersburger Zeitung», несовсѣмъ одобрительно отозвалось объ ассигнованіи дополнительной суммы на осуществленіе предполагаемаго измѣненія университетскаго устава 1863 года. На преобразование университетскаго преподаванія испрашивается до 500,000 рублей въ годъ, на шесть университетовъ.

— «Новое Время» передаетъ, что императорское русское географическое общество рѣшило войти въ сношеніе съ другими учеными учрежденіями по вопросу о совмѣстномъ изданіи подробнѣйшаго описанія Сибири со времени занятія этой обширной страны русскими. Общество предполагаетъ принять на себя географическую сторону описанія и изданіе библиографическаго указателя существующихъ книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ.

— Та же газета сообщаетъ, что съ будущаго года предполагается установить пароходное сообщеніе по озеру Зайсану въ связи съ срочнымъ пароходствомъ по Иртышу, отъ Семипалатинска. Озеро имѣетъ восемьдесятъ верстъ въ длину и двадцать пять въ ширину. Съ открытіемъ пароходства по Зайсану, паровое движеніе будетъ совершаться отъ границъ Китая до Ледовитаго океана, по Иртышу и Оби, облегчая наши торговыя сношенія съ Урумчи и Турфаномъ.

— Въ редакцію «Медицинскаго Вѣстника» поступило пожертвованій въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ съ 14-го октября по 20-е ноября всего 2,765 рублей 66 коп.

— Въ виду часто повторяющихся нареканий на наше сельское духовенство за ноборы, производимые имъ съ крестьянъ, святѣйшій синодъ, по словамъ «Нов. Врем.», занятъ въ настоящее время установленіемъ нормы взиманія платы за разныя духовныя требы.

— Финляндскія газеты сообщаютъ, что нѣсколькими именитыми гражданами въ Гельсингфорсѣ учреждена комиссія для сбора пожертвованій какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ края, въ пользу семейства недавно умершаго «перваго публициста Финляндіи», главнаго редактора газеты «Helsingfors Dagblatt», отставнаго капитана Роберта Лагерборга.

— По слухамъ, въ сферѣ столичнаго городского самоуправления въ настоящее время поднятъ вопросъ объ обязательномъ обученіи въ столицѣ, для разработки котораго учреждена спеціальная комиссія.

— Гельсингфорскій «Утренній Листокъ» сообщаетъ о предстоящемъ въ непродолжительномъ времени опубликованіи распоряженія, которымъ разрѣшается допущеніе женщинъ къ слушанію лекцій въ Александровскомъ университетѣ. По словамъ газеты, это вызвано ходатайствомъ университетскаго совѣта, послѣдовавшимъ еще въ 1878 году.

★ БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Вернъ. Современная Японія. (Изъ записной книжки моряка). Часть 1-я.—По пути въ Японію. Часть 2-я.—Японія. Съ приложеніемъ 4-хъ рисунковъ. Москва. 1882 г.

Настоящая книга, по скромному признанію ея автора, представляетъ собою «рядъ безхитростныхъ писемъ», печатавшихся въ продолженіи цѣлаго года на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей»; но собранныя въ одно цѣлое эти письма составили довольно объем-

стый трудъ, который, скажемъ уже отъ себя, если и много теряетъ силу отсутствія системы въ изложеніи, тѣмъ не менѣе далеко не лишенъ интереса по богатству собранныхъ матеріаловъ и изслѣдованій.

Авторъ начинаетъ свое путешествіе отъ Генуи и затѣмъ неуклонно описываетъ всѣ главнѣйшіе порты и гавани, которые встрѣчались ему на пути въ Японію. Генуя, Неаполь, Александрія, Портъ-Саидъ, Измаилія, Суэзъ, всѣ эти мѣста, какъ уже много разъ описанныя и хорошо извѣстныя намъ, не находятъ себѣ достаточнаго мѣста въ книгѣ г. Верна; точно также кратки его описанія и относительно Краснаго моря, Аденскаго порта и западной части Индійскаго океана вплоть до острова Цейлона; но отъ этого послѣдняго пункта авторъ ведетъ уже подробныя замѣтки обо всемъ, что пришлось ему видѣть и слышать. Остановившись въ Пуанъ-де-Галлѣ (на южномъ берегу Цейлона), г. Вернь предпринялъ сухопутное путешествіе въ Коломбо и Кэнди, и на пути въ эти города короткими словами рассказываетъ намъ исторію Цейлона, картинно представляя какъ переходилъ этотъ островъ изъ однихъ рукъ въ другія и какъ поочередно владѣли имъ сначала всѣ могущественныя раджи Индустана, а потомъ португальцы, голландцы, французы и англичане. Въ описаніи современнаго состоянія острова г. Вернь представляетъ характеристику трехъ населяющихъ его племенъ, шингуловъ, малайцевъ и малабаровъ: онъ рисуетъ передъ нами ихъ внѣшній бытъ, привычки, нравы и степень умственнаго развитія, на которой находится каждое изъ этихъ племенъ въ настоящее время. Богатства Цейлона составляютъ лѣса, изобилующіе дичью, а изъ царства животныхъ особенную пользу для населенія представляютъ слоны, прирученіе и сбытъ которыхъ доставляютъ средства къ жизни тысячамъ семей. Авторъ даетъ подробное описаніе видѣнныхъ имъ способовъ прирученія и относительно достоинства описываемыхъ животныхъ замѣчаетъ, что цейлонскіе слоны хотя и не такъ велики, какъ слоны Индустана, но замѣчательно послушны и способны къ работамъ. Еще болѣе замѣчательнъ Цейлонъ по своимъ жемчужнымъ ловлямъ, такъ какъ цейлонскій жемчугъ считается лучшимъ въ свѣтѣ,—онъ крупнѣе всѣхъ прочихъ, да и по своимъ качествамъ выше чѣмъ жемчугъ арабскій и коромандельскій. Путешественникъ сообщаетъ объ условіяхъ, въ которыя поставило себя англійское правительство по отношенію къ жемчужнымъ ловлямъ, указываетъ сезоны, принятые на Цейлонѣ для ловли жемчуга, способъ, которымъ совершается эта ловля и съ особенными подробностями описываетъ рабочій классъ, ходящій на эти промыслы. Пловцы и ныряльщики, по его словамъ, такъ привыкають работать подъ водою, что нѣкоторые изъ нихъ пробываютъ на днѣ моря въ теченіи 2, 3 и даже 5 минутъ. Хорошая плата, а еще болѣе доходы могли бы очень скоро сдѣлать этихъ рабочихъ богачами, если бы они, какъ и простолюдины всѣхъ странъ, не были ужасно суевѣрны; каждая худая примѣта въ состояніи заставить работника отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей. Передъ началомъ страды рабочіе всегда совѣтуются съ буддійскими заклинателями объ успѣхѣ, и послѣдніе немилосердно обирають ихъ, за свою науку гаданій. Въ свою очередь и хозяева ловли передъ началомъ работъ также точно даютъ обѣты Буддѣ, умоляя его о хорошемъ уловѣ. Эти заклинанія и обѣты послужили поводомъ къ образованію на Цейлонѣ особой касты жрецовъ, которая только тѣмъ и занимается, что читаетъ заклинанія, да нанимается у богатыхъ хозяевъ исполнять данныя ими обѣты.

Плывя по Бенгальскому заливу отъ Цейлона до Малакки, г. Вернь совершилъ переходъ по такъ называемому „ураганному пространству“, и это даетъ ему поводъ съ тактичностью ученаго моряка изложить предъ нами различныя теоріи, объясняющія происхожденіе урагановъ. Судно г. Верна прошло довольно счастливо по бурному заливу и только повстрѣчавшійся смерчъ нарушилъ однообразіе его плаванія. Остановившись у порта Малакка, авторъ излагаетъ его современное значеніе, а за симъ переходитъ къ описанію всего полуострова въ естественномъ отношеніи. Пробывъ на Малаккѣ сравнительно недолго, г. Вернь не могъ посѣтить здѣсь многихъ замѣчательныхъ мѣстъ, но онъ даетъ намъ подробное описаніе перваго видѣннаго имъ индійскаго храма Махабалипури, который высѣченъ въ скалѣ и замѣчательнъ по своей древности, на что указываютъ сообщаемыя г. Верномъ легенды о происхожденіи этого храма. Въ Сингапурѣ г. Вернь впервые встрѣтилъ китайцевъ: они

составляютъ здѣсь самый низшій классъ—рабочихъ, но живутъ въ такомъ громадномъ числѣ, что исполняютъ почти всѣ работы въ городѣ, и нужно сказать, исполняютъ ихъ съ честью. По отзывамъ сингапурцевъ, китайцы очень воспримчивы, наблюдательны, быстро привыкаются къ мѣсту и къ людямъ, изучаютъ привычки своихъ господъ, и положительно незамѣнимы какъ слуги. Г. Вернь и самъ убѣдился въ этомъ, когда пришлось ему проѣзжать далѣе по портамъ собственнаго Китая. Впрочемъ, расторопные на работахъ, китайцы не менѣе тароваты и въ другихъ дѣлахъ, далеко не рекомендуемыхъ ихъ націою: въ Гон-Конгѣ, на примѣръ, китайскіе воры такъ замѣчательны по своей ловкости, что ухищряются сдирать мѣдную подводную обшивку съ судовъ, стоящихъ на рейдѣ.

На подробный осмотръ Гонъ-Конга г. Верномъ было употреблено два дня, а за симъ, желая возможно болѣе познакомиться съ Китаемъ, отправился въ Кантонъ и Макао. Поднявшись на пароходѣ вверхъ по р. Си-киангу (Си-цзянь) до Кантона, г. Вернь дѣлаетъ замѣтку о чудовищной дороговизнѣ жизни для европейца въ Кантонѣ (комната со столомъ въ сутки стоитъ 5 долларовъ), послѣ чего торопится перейти къ описанію жизни кантонскихъ китайцевъ. Наблюдая уличную жизнь въ томъ порядкѣ какъ она представлялась ему по выходѣ изъ дверей гостиницы, г. Вернь картинно описываетъ цѣлый лабиринтъ китайскихъ торговыхъ улицъ, и всю суетню, производимую на нихъ населеніемъ Кантона, простирающимся до 2-хъ милл., не считая 80 тысячъ живущихъ на рѣкѣ. Далѣе описываетъ онъ площадь, на которой производится въ Кантонѣ казни, пытки и публичныя наказанія; описываетъ китайскихъ преступниковъ, описываетъ посѣщенные имъ китайскіе храмы, похоронные обряды китайцевъ, которые также удалось ему видѣть; наконецъ описываетъ подробно чайныя фабрики, которые помѣщаются здѣсь на окраинахъ города. Вообще все описаніе кантонской жизни написано чрезвычайно живо и читается съ большимъ интересомъ; жаль только, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ не довольствовался своими наблюденіями, а дополнял ихъ еще тѣмъ, что сообщали ему руководившіе спутники, и въ этихъ-то случаяхъ, какъ оно и всегда бываетъ, онъ наговорилъ много ложнаго. Возьмемъ для примѣра хоть трактатъ о фабрикаціи чая. „Чайные листья, говоритъ г. Вернь, нѣсколько времени держатся въ кипящей водѣ, потомъ ихъ кладутъ на желѣзные листы, и держатъ въ печи до тѣхъ поръ, пока листья не начнутъ морщиться; затѣмъ ихъ раскладываютъ слоемъ на доскахъ и свертываютъ отдѣльно каждый листикъ. Эта работа тонкая, такъ какъ нужно избѣгать скатыванія этихъ листьевъ. Послѣ этой операціи, вся масса опять сушится въ печахъ“. Нужно ли говорить, что если бы даже у насъ не было прекрасныхъ и полныхъ описаній чайной фабрикаціи, то и тогда мы не повѣрили бы этой чепухѣ, ибо несомнѣнно, что все населеніе Китая, взятое цѣликомъ, едва свернетъ столько листиковъ, сколько сварить ихъ въ своихъ чайникахъ и горшкахъ одна Россія, не говоря уже о другихъ народахъ, такъ же точно пользующихся этимъ даромъ Небесной имперіи.

Въ замѣткахъ о городѣ Макао особенно интересно у г. Верна описаніе шелковыхъ фабрикъ и роцъ шелковичныхъ деревьевъ. Путешественникъ подробно описываетъ воспитаніе шелковичныхъ червей и уходъ за ними; излагаетъ процессъ, какимъ образомъ выпускають черви тонкую шелковинку и вьютъ коконъ; даетъ свѣдѣнія далѣе о томъ, какъ коконы сортируются, чистятся и какъ наконецъ готовится изъ нихъ шелковая нитка.

Въ дальнѣйшемъ пути къ Японіи, авторъ останавливается на описаніи Формозы, излагая исторію этого острова, тѣсно связанную и съ исторіею Формозскаго пролива. Послѣдній, какъ извѣстно, на сѣверѣ соединяется съ Китайскимъ моремъ, омывающемъ берега Японіи, составлявшей цѣль странствій г. Верна.

Описаніемъ пребыванія въ Японіи начинается у автора вторая часть ето книги. По прибытіи въ Нагасаки г. Вернь сошелся съ однимъ японцемъ, проводившимъ юность въ Россіи, и хорошо знавшимъ русскій языкъ; это обстоятельство на первыхъ же порахъ дало г. Верну возможность начать правильно изученіе Японіи. Перебравшись въ деревню Иносу, г. Вернь съ перваго же дня началъ изученіе японскаго языка, а для насъ между тѣмъ представляетъ описаніе японскихъ костюмовъ и причесокъ, различающихся, какъ и вездѣ, смотря по полу и возрасту лицъ, которыя ихъ носятъ; описываетъ внѣшній видъ японской деревни и устройство японскихъ жилищъ,

наконецъ всѣ даже мельчайшія принадлежности японскаго хозяйства. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается онъ на описаніи японской лаковой посуды, причѣмъ отдаетъ преимущество старому лаку. Секретъ стараго лака, кажется, пропалъ безслѣдно и въ Японіи теперь не дѣлаютъ болѣе вещей изъ стараго лака; по вышнему виду лакъ этотъ не особенно отличается отъ новаго, но онъ превосходитъ этотъ послѣдній тѣмъ, что никогда не портится и не трескается. Изъ Иносы г. Вернъ постоянно совершалъ путешествіе въ городъ Нагасаки и, описывая этотъ городъ, останавливается на его памятникахъ старинныхъ сношеній Японіи съ Европой и европейцами и рассказываетъ намъ исторію этихъ сношеній: но симпатіи г. Верна очевидно лежали не къ Нагасаки, уже много разъ описанному и изслѣдованному, а къ неизвѣстной для насъ деревенской жизни Японіи. Въ Иносѣ путешественникъ наблюдалъ эту жизнь во всей ея полнотѣ отъ домашняго очага, гдѣ проводитъ японецъ свое обычное время, до гостиницы, въ которой совершаетъ онъ всякій свой праздникъ. Изъ обычаевъ, замѣченныхъ г. Верномъ въ Иносѣ, особенно подробно описана татуировка, равно какъ и самая операція этого варварскаго обычая. Японцы видятъ въ татуировкѣ полурелигіозный законъ, который поддерживается у нихъ на основаніи легендъ;—предупредительный авторъ не преминулъ представить намъ въ своей книгѣ и эти легенды, чрезвычайно интересныя по своему содержанию.

Но Иноса, будучи приморскою деревенькою, не могла удовлетворить собою любознательности г. Верна, онъ жаждалъ забраться въглубь страны, увидѣть дѣйствительный японскій городъ, или даже деревню, а не иностранную колонію, каковы всѣ прибрежные порты Японіи, — познакомиться съ такими японцами, которыхъ еще не коснулась европейская цивилизація. Съ этою цѣлью совершилъ онъ экскурсію въ японскія деревни и на первый разъ посѣтилъ деревню Токидзо. Здѣсь пришлось видѣть ему храмъ Набесима, одинъ изъ тѣхъ немногихъ храмовъ, которые принадлежатъ вѣку господства въ Японіи религіи Шинту. Изложивъ при этомъ случаѣ основное понятіе о религіи Шинту, г. Вернъ описываетъ этотъ храмъ, излагая вмѣстѣ съ симъ исторію его построенія и существованія. Въ Токидзо путешественникъ видѣлъ и первый японскій театръ, описаніе котораго не менѣе интересно, чѣмъ и знаменитаго храма религіи Шинту. Во всѣхъ предпринимавшихъ экскурсіяхъ г. Вернъ не только не встрѣчалъ рѣшительно никакихъ препятствій для своихъ изслѣдованій, а напротивъ скоро подружился съ японцами, замѣчая для насъ, что японцы вообще народъ очень довѣрчивый и требуютъ отъ иностранца только вѣжливости и доли уваженія къ своимъ обычаямъ. Удовлетворяя этимъ требованіямъ, самъ г. Вернъ быстро приобрѣлъ себѣ множество знакомцевъ, и эта связь дала ему возможность еще ближе и правильнѣе изучать бытъ Японіи. Вскорѣ получилъ онъ приглашеніе отъ одного изъ своихъ знакомыхъ на свадьбу, и потому съ достаточною подробностію излагаетъ намъ видѣнныя имъ брачныя церемоніи японцевъ, которыя впрочемъ весьма немногосложны. Основнымъ условіемъ при бракахъ вообще, считается у японцевъ обоюдное соглашеніе сторонъ; оно замѣняетъ собою и законъ, и церковную санкцію настолько, что у бѣдняковъ зачастую исключается всякая обрядность и только богатые празднуютъ свадьбы по установленнымъ обрядамъ. Церемонія брака начинается гаданіями, послѣ чего дѣвушку-невѣсту переряжаютъ въ дамскій костюмъ и начинаютъ бражничать за свадебнымъ столомъ. Послѣ обѣда слѣдуютъ пѣсни и танцы; послѣдніе отличаются у японцевъ характеромъ изобразительнымъ и главную роль въ нихъ играетъ мимика. Въ этихъ удовольствіяхъ проходитъ время до глубокой ночи, когда гости расходятся и свадьба считается сыгранною. Описанную свадьбу г. Вернъ видѣлъ въ деревнѣ Ирабаяшъ, проѣзжая къ которой, онъ посѣтилъ на дорогѣ замокъ князя Сагцумы, еще такъ недавно прославившагося оппозиціею противъ европейцевъ. Замокъ этотъ относится по времени своего построенія къ эпохѣ феодализма въ Японіи, и вполнѣ носитъ на себѣ характеръ этой эпохи донинѣ; это обстоятельство даетъ г. Верну случай рассказать намъ о феодальномъ вѣкѣ въ Японіи изобилующемъ междоусобіями и жестокостями японскихъ сіюгуновъ. Въ дальнѣйшемъ описаніи, пребываніе г. Верна въ Иносѣ—замѣчательны его трактаты о промышленности японцевъ. Обширныхъ фабричныхъ

и заводскихъ центровъ въ Японіи, собственно говоря, нѣтъ вовсе: все дѣлается въ ручную, и каждый промыселъ дробится въ массѣ народонаселенія; за всѣмъ тѣмъ въ Японіи, какъ и вездѣ, есть мѣста пресловутыя тою или другою промышленностью. Такимъ образомъ, городъ Кагосима славенъ производствомъ фарфоровыхъ издѣлій, урочища компаній Така-сима разработкою и издѣліями каменнаго угля и пр.; особенно интересенъ рассказъ г. Верна, объ устройствѣ японскихъ стѣнныхъ часовъ, идея которыхъ, также какъ и остроуміе механизма поражаютъ европейцевъ.

(Окончаніе будетъ)

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 23 ноября. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. 23³/₄ пенс. за рубль, на Парижъ 250 сант., на Гамбургъ 202¹/₂ пфен. Полуимперіалы 8 р. 30 к., рубли серебр. 1 р. 38 к.; 5⁰/₀ бил. Госуд. Банка 1 вып. 93³/₄, 2 вып. 90⁷/₈, 3 вып. 91, 4 вып. 90¹/₄, 5 вып. 90¹/₈. Восточный заемъ 88³/₄, 5⁰/₀ Первый выигр. заемъ 212, второй выигр. заемъ 204, Облиг. Спб гор. кред. общ. 84, Моск. гор. кред. общ 84⁵/₈, закл. лист. общ. взаим. позем. кред. (металл.) 129⁷/₈, 5¹/₂ ⁰/₀ рента 97, закл. лист. земск. банка Херс. губ. 89⁵/₈, 6⁰/₀ закл. лист. Харьк. зем. банка 90¹/₄, Моск. зем. банка 96, Сар.-Симб. зем. банка 75, Тифлиск. зем. банка 86. Авц. Русск. для вышн. торг. банка 259¹/₂, акц. Спб. торг. банка 336, акц. Главн. общ. Рос. ж. д. 249¹/₄, авц. Рым.-Бол. ж. д. 59¹/₄, акц. Гряз.-Цариц. ж. д. 82³/₄. Настроеніе биржи съ курсомъ слабѣе, съ бумагами тихое. Дисконты отъ 6¹/₂ до 8⁰/₀, въ Лондонѣ 5, въ Парижѣ 3¹/₂, въ Гамбургѣ 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1883 годъ

на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:			Съ пересылкою въ города:		
На 12 мѣсяцевъ	8 р.	50 к.	На 12 мѣсяцевъ	9 р.	— к.
> 11 >	8 >	— >	> 11 >	8 >	50 >
> 10 >	7 >	50 >	> 10 >	8 >	— >
> 9 >	6 >	75 >	> 9 >	7 >	40 >
> 8 >	6 >	— >	> 8 >	6 >	70 >
> 7 >	5 >	25 >	> 7 >	5 >	90 >
> 6 >	4 >	50 >	> 6 >	5 >	— >
> 5 >	3 >	90 >	> 5 >	4 >	60 >
> 4 >	3 >	25 >	> 4 >	3 >	70 >
> 3 >	2 >	50 >	> 3 >	2 >	75 >
> 2 >	1 >	90 >	> 2 >	2 >	— >
> 1 >	1 >	— >	> 1 >	1 >	10 >

За границу: на 12 м. 17 р., на 6 м. 9 р., на 3 м. 5 р., на 1 м. 2 р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., домъ Корзинкина; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ—Rue Clément, 4, Adam.

Гг. иногородніе благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія «РУССКІЙ КУРЬЕРЪ».

Редакторъ-Издатель Н. П. ЛАНИНЪ.

Редакторъ-Издатель Н. М. Ядринцевъ.